

# ТЕАТР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Трудно встретить такой выпуск театрального института, который не мечтал бы об организации своего театра, состоящего из «однашников», сплавных студенческой дружкой, общей актерской школой и общими устремлениями. Но чаще всего дело не идет дальше благих пожеланий. И это не удивительно: ведь невозможно каждый актерский выпуск оформлять в новый театр...

Но случилось, что мечты омазывались неожиданными, а выпускники твердо знали, чего они хотят, и умели в этом убедить других... Тогда начинал жизнь новый коллектив.

Когда-то это пробовали сделать в Витебске. А нынче в Бобруйске закончил свой первый сезон молодежный театр, созданный год назад из выпускников Белорусского театрального. Сам в свое время принимал участие в трех или четырех начинаниях, конечной целью которых был театр. Театр моих единомышленников, способных на очень и очень многое. И мне хочется думать, что даже в создании бобруйского молодежного живет частица моего труда, моей мечты. Неудивительно, что мне стало просто необходимо увидеть этих ребят, узнать, что они делают, как живут.

Встреча состоялась почти год спустя на спектакле «Проснись и пой».

В зале зрителей намного меньше, чем хотелось бы, а спектакль, забегаая вперед, скажу, хороший.

Дело не в том, что играют молодые задорно и весело. Молодости вообще присущи обаяние и красота. Но есть и другое, и оно делает этот спектакль действительно радостно хорошим.

Замысел комедии — серьезный замысел — воплощен в музыкальный, комический, изящный спектакль. В этой веселой комедии много поют, танцуют. Постановщик танцев С. Дрекин добился органического влечения танца в действие пьесы, когда танец, как и песня, не вставной номер, а сама ткань спектакля. Делается все изящно, с хорошим вкусом, чувством юмора.

Юмор — вещь очень хрупкая, стоит чуть-чуть «пережать» — и вся конструкция рушится. И вместо произведения искусства — обломки, неинтересные даже археологам, посылку они чересчур современны. В «Проснись и пой» юмор сочетается со вкусом — тонкий, легкий рисунок, возникающий словно бы на глазу, легко, между прочим. Но актеры знают истинную цену этой «напринуденности между прочим» — она дорого стоит...

В. Филатов в роли Пишты — это удача актера, спектакля, канона, театра. Роль сыграна по всем законам хорошей комедии. Все индивидуальные актерские качества В. Филатова поставлены на службу целостности спектакля.

Пишта В. Филатова — основная опора спектакля, он, как камертон, партнеры равняются на него.

Хорошо быть молодым и играть своего современника, но вот А. Полузиной досталась в этом спектакле роль тети Тони.

У тети Тони есть своя жизнь, есть биография, трагическое желание быть любимой и молодой. Все это есть в исполнении, и острый возрастной грим здесь кажется просто лишним, он ненужная подробность. Но это — частности, хотя и немаловажная. Зато сколько ума у тети Тони, сколько остроумия, изящества, иронии...

Г. Золова играет Дьюлю профессионально, добротно. Вызвет же так: все кажется правильно, но чего-то не хватает. Меня встревожили глаза актера: что-то в них не от нашей профессии, они равнодушные. Если это только в данном спектакле — полбеды... Волезна равнодушие развивается постепенно, прогрессирует изе дня в день, от роли к роли. Результат — потеря одного из самых дорогих качеств нашей профессии — способности удивляться.

Умерло это свойство — умерла индивидуальность. Актер должен что-то любить или что-то ненавидеть. Это качество, дающее толчок к осмыслению фантов, явлений и индивидуальному образу воплощения их. И никакая, даже самая изощренная, актерская техника заменить этого сугубо индивидуального процесса не в силах.

Если у Г. Золова этот спектакль, который я видел, просто частный случай, — разговор окончен. Если же нет, хочется чтоб он продолжил его с самим собой.

Есть в этом профессионально отлаженном спектакле и досадный диссонанс: эпизодическая роль Марии. С. Пузович начинает «подавать» юмор, изображает некий экстравагантный, штампованный характер, которых было перебыло на всех сценах мира. Давно сданы они в музей, и вдруг — на тебе.

И все-таки спектакль есть. Значит, театр есть, театр продолжается.

Но мне хочется обратить внимание актеров на то, что никак не согласуется с их желанием создать свой театр.

Утренняя репетиция должна начинаться в 11, началась — в 11.15! Что это — случай? Нет, почти система...

Актриса опоздала. Оказывается, она в четыре утра приехала с выездного спектакля. Действительно, по закону она могла не придти. Пришла — очень хорошо. Но зачем же тогда опаздывать, зачем, наконец, вступать с режиссером в дискуссию, навязать своим правом не приходить вообще? Бестактность? Недисциплинированность? Неуважение к своему труду? Что это?

...По сцене передвигаются лица, не имеющие к репетиции отношения. Смотрю — никто не удивляется. Привыкли не замечать. По-моему, плохая привычка.

На репетиции более пяти раз повторяли выход девушек с песней. Кто-то частично фальшивил, так и вышли. Что, если и на спектакле так же выйдут и споют?

То, что было сделано за четырехчасовую репетицию, по продуктивности равно 40 минутам хорошей работы. Приходилось смотреть тот или иной маленький отрывочек бесчисленное количество раз.

Эти «потери», «мелочи» незойливо обступают актеров со всех сторон. Стоит ослабить требовательность к самому себе, и они, как ракушки, облепят и потянут на дно.

Я подумал: так хорошо, что я увидел первый спектакль, а потом репетиции. Если бы наоборот, вряд ли захотелось бы мне смотреть спектакль...

Понадо это маленькими огрехи. Но и время-то небольшое, закончился первый сезон. Огрехи входят в привычную практику. Это — тревожно. Театр находится в стадии невольного, раскрытия своих потенциальных творческих возможностей. Коллективу, как и любому другому, но и больше, чем любому другому, требуется приток свежей, высококачественной режиссуры. Учение еще не закончено, а эксплуатация идет полным ходом. Актерам нужно учиться в полную меру отдавать и, что наиболее важно, приобретать, накапливать знания, душевный, нравственный, интеллектуальный багаж.

И еще. Театр в Бобруйске закончил свой первый сезон. Где он откроет второй, пока вопрос: здание закрывается на два года — капитальный ремонт и реконструкция.

Где и как будет продолжаться жизнь театр, должно волновать не только коллектив.

А. МИЛОВАНОВ,  
актер театра имени Янки Купалы.

г. МИНСК

117 АВГ 1974